Музыка из моего клуба гремела под нами, звериный ритм соответствовал настроению, висевшему в воздухе моего представительского номера. Мать и дочь стояли на балконе, тихо разговаривая друг с другом. В этот момент они могли бы отступить, но не стали. Девочка нервничала, но и была взволнована, а мать... мать хотела этого так же сильно, как и я.

В свете мерцающих разноцветных огней рождественской елки я откинулся на спинку широкого кожаного дивана и сделал длинный глоток своего Mortlach, на мгновение закрыв глаза от удовольствия предвкушения. Это была долгая, долгая неделя, и я был готов к этой разрядке. Но если это не произойдет с этой парой, рядом был лифт, на котором я мог подняться в целый клуб, полный женщин, готовых к траху.

Они вошли, девушка хихикнула. Двадцать один год, две недели назад. Это был совместный подарок ее матери на день рождения и Рождество - поездка на выходные, включая ночь в моем клубе. Недешево, и нелегко пройти через дверь. Нужно было быть десяткой, и эти двое были именно такими. Мать была актрисой, латиноамериканкой и мучительно сексуальной, ее тело кричало о грехе, а лицо с сильными щеками поражало сочетанием знойности и сладости. У дочери тоже были изгибы, но ее тело было скорее красивым, чем непослушным, с более светлой кожей и большими глазами лани. Она была на пути к интернет-славе как влиятельный человек, и это было частью этого. Здесь ее социальная статистика в социальных сетях достигла бы суперзвезды, она фотографировалась бы со своей матерью и некоторыми из самых известных мировых знаменитостей и влиятельных людей.

Но не поэтому они были здесь, в моем представительском номере, расположенном двумя этажами выше самого клуба. Они были там, потому что я хотела, чтобы они там были. Они были здесь, зная, что произойдет. В чем им предстояло участвовать. И теперь они были здесь, готовые к тому, чтобы их трахнули.

Мать и дочь подошли ко мне. Я был уже обнажен, и дочь оценивающе оглядела мои мышцы и мой напрягшийся член.

"Разденься", - мягко сказал я.

Не было никаких колебаний, только стеснение. Мать была одета в облегающее голубое платье, дочь - в мини-юбку и топик на тонких бретельках, который заканчивался гораздо севернее ее тощего пресса. Обе, конечно же, были на каблуках. В клубе это не обязательно, но вполне возможно.

Первой сняла каблуки девушка, и она явно почувствовала облегчение. Мать не снимала каблуки, что давало ей преимущество перед дочерью. Возможно, специально, подсознательная игра за доминирование. Я не обращал на это внимания. Мать повернула дочь так, чтобы ее зад был обращен к ней. Дочь нервно хихикнула, когда мать провела руками по ее попке. На полу клуба они делали гораздо больше прикосновений, но это было шоу, чтобы привлечь мое внимание, когда они увидят меня. Здесь же все было по-настоящему.

"Посмотри на себя, детка", - ворковала мать, проводя длинными красными ногтями по попке

дочери. "Такая красивая. Такая взрослая".

"Мамочка", - прошептала двадцатиоднолетняя девушка, ее голос был горловым и полным давно сдерживаемой потребности. Губы матери разошлись, и она прошептала это слово с ошеломленным недоверием. Мамочка. Я так понял, что это слово девушка использовала нечасто.

Я лениво поглаживал свой член, пока мать медленно опускалась на колени, расстегивая молнию на юбке девушки. Попка девушки была идеально подчеркнута темно-синими стрингами - под этой обтягивающей юбкой невозможно было скрыть что-то большее. На правой щеке была татуировка, пара красных губ, и мать прильнула ртом прямо туда, целуя попку дочери скорее с нежностью, чем с откровенно сексуальным жестом. Но это еще придет.

Затем она поцеловала другую щеку и поднялась. Ее руки легли на талию дочери, и она повернула ее, они смотрели друг другу в глаза, пока мать поднимала топик дочери над грудью, которую я не считал такой большой. Но они были таковыми, оставляя во мне жажду более темных вещей. Я представил, как дочь отдыхает над матерью, кормя ее сиськой, с которой капает ее молоко. Это было бы одним из немногих табу, которое я никогда не испытывала ни с кем в клубе, и эта мысль заставила меня гладить себя быстрее.

"Вы обе принимаете таблетки?" спросила я.

Мать и дочь посмотрели друг на друга. "Давай, милая", - сказала мать. Ее рука провела по спине дочери. "Нечего стесняться".

Дочь покраснела. "Нет", - прошептала она. "Я могу забеременеть".

"То же самое", - сказала мать.

Блядь. Я.

Я подумал о презервативах на всех тумбах в квартире. Я подумал о тайнике в стеклянной миске в спальне, примыкающей к жилому помещению, в котором мы находились. Я думала о них и решила не обращать на них внимания. Это были бы не первые дети от моих ночных забав, и уж точно не последние. Мне нравилась идея зачинать их. Разводить их. Я бы трахнул ребенка в каждую привлекательную доступную женщину в мире, если бы мог, и я, конечно, делал это с чертовски хорошей попыткой.

"Хорошо".

Губы матери разошлись при этом, и дочь зажмурилась. Мать взяла лицо девочки в руки, но пока не поцеловала ее. Они все еще стеснялись, или, может быть, они дразнили меня, чтобы доставить мне удовольствие. В любом случае, момент с треском преобразился, и молодая

женщина потянулась к спине матери, нашла молнию на платье и медленно спустила его вниз, как ее мать сделала это с юбкой. Бюстгальтера не было, но на сосках матери были пастисы. Трусиков тоже не было, обнаружил я мгновение спустя, и дочь на мгновение оказалась в двух дюймах от натертой воском киски матери, ее глаза были огромными, пока она рассматривала ее.

"Мы действительно собираемся...", - вздохнула она.

"Все, что захочешь, милая", - почти так же тихо сказала ее мать. Я не думаю, что девочка была единственной нервной в комнате, хотя мать хорошо это скрывала. Они отчаянно хотели друг друга, но ни один из них не хотел быть тем, кто переступит эту грань и получит разбитое сердце, если другой вдруг передумает.

Я снял напряжение, сказав: "Прекрасные вы оба. Подойдите сюда". Девушка начала вставать, но я поднял палец. "На колени".

Мать хихикнула, более сладко и томно подражая своей дочери, и в мгновение ока опустилась на колени, присоединившись к своему возлюбленному. Пока они ползли вперед, я размышлял, кем они были до этого, кто отец, откуда они, а главное, что могло привести их к этому. Они не выглядели обиженными или сломленными, просто безумно влюбленными и находящимися на пороге воплощения этого в жизнь. Их застенчивость опьяняла, хотя видения их вместе начали заполнять мой мозг, и у меня было так много планов на них, прежде чем эти выходные закончатся.

"Вы со мной до конца этих выходных", - сказал я.

Они снова посмотрели друг на друга, затем мать сказала: "Да, сэр". Ее дочь, казалось, удивилась этому, но мать потянулась к ней сзади и ущипнула ее за попу, и она тоже вскрикнула. "Да, сэр!"

В нескольких дюймах от моего члена они упали в безумных судорогах, обнимая друг друга. Я тоже улыбнулся, мой строгий, бесстрастный фасад на мгновение треснул.

Мать жаждала меня и жадно брала мой корень в одну руку, пока сосала кончик. Темные волосы упали ей на глаза, и я убрал их назад. Не хотел упустить эти глубокие карие глаза, поглощающие меня. Ее дочь смотрела, раздвинув губы, и вздохнула: "Ты сосешь мужчине... прямо у меня на глазах".

"Мм хм", - сказала ее мать и еще мгновение сосала меня сильнее, ее щеки впали. Затем она с размаху соскочила с меня и прижала меня к своей дочери. "Хочешь попробовать?"

"Да", - застонала девушка и впилась в меня, не сводя глаз с моего чисто выбритого паха, сосредоточенно заглатывая дюйм за дюймом. Она не могла взять много, но она жадно покачивалась вверх и вниз на том, что могла.

"Урк-урк-урк", - радостно сказала она.

Ее мать хихикала и гладила спину дочери. "Это так сексуально, милая. Мне нравится смотреть на тебя с мужским членом во рту".

"Ммммм!" - застонала дочь и кончила в меня с приятной имитацией маминого звука. Старшая женщина сразу же взялась за дело, погрузилась на мой член и глубоко взяла меня в рот, обработав первые четыре дюйма, затем глубоко вдохнула через нос и опустилась еще ниже, пока ее горло не заполнилось мной. Дочь прижалась к плечу матери. "Ух ты, мам, это безумие. Ты так много от него берешь".

Старшая женщина подержала меня еще несколько секунд, а затем, наконец, оторвалась от меня, задыхаясь, оставив головку члена обрызганной слюной. Ее дочь наклонилась, чтобы слизать ее. Мать взяла одну из ее рук и поднесла ее к моему члену.

"Используй мою слюну, чтобы подрочить его, пока ты его сосешь".

"Хорошо", - ответила ее дочь. Она покачивалась на коленях, посасывая первые пару дюймов и поглаживая мою длину. Ее стринги исчезли в щели ее задницы, и ее мать поймала мой взгляд. Она усмехнулась и запустила палец в трусики дочери. Девочка отстранилась от меня, помогая стянуть их и поднимая сначала одну, а потом другую ногу, чтобы спустить их с ног. Мать стянула их с ее ног и на мгновение уставилась на попку и киску дочери.

"Боже, милая, ты такая красивая", - вздохнула она.

Молодая женщина приятно задрожала, когда рука матери провела по ее ноге и бедру, возвращаясь к нам. Дойдя до попки дочери, она сжала ее и посмотрела в сторону рождественской елки, устремив взгляд вдаль. Она прошептала что-то под дыхание, что-то, что было не для меня, и проделала остаток пути, останавливаясь, чтобы поцеловать спину, плечо и щеку дочери, набитую моим членом.

"Давай полижем его вместе", - сказала мать.

Ее дочь снова соскочила с меня и усмехнулась. "Хорошо."

Они сели по обе стороны от моего члена и провели языками по моим бокам. "Фуууууук", - стонал я, хватая в кулак их волосы. Они двигались вверх и вниз по мне с разной скоростью, молодая женщина с большим нетерпением, а старшая не торопилась, ее глаза не отрывались от глаз дочери.

Это был не первый мой секс втроем, далеко не первый. Но это была самая напряженная и горячая сцена, которая когда-либо происходила в этой комнате, воздух был наполнен зарядом, подобного которому я никогда не ощущал. Мать. Дочь. Окончательное табу. Очень веселое

Рождество для меня.

В таком состоянии я собиралась кончить в мгновение ока. Мои стоны возбуждали их, и они лизали быстрее, женщина тоже стонала. Она держала руку между ног, играя со своим клитором и толстыми губами. Ее дочь на мгновение отстранилась, наблюдая за происходящим, ее глаза были остекленевшими и ошеломленными.

"О, черт. Ты играешь с собой".

"Назови меня снова мамочкой", - задыхалась мать.

"Мамочка, ты играешь с собой", - сказала молодая женщина, ее голос стал выше.

"О, черт, оххх", - сказала мать и стала лизать мой член быстрее, подстраиваясь под темп своей дочери. Они одновременно приблизились к моему кончику, и ни одна из них не отступила, целуя конец моего члена. Их взгляды встретились, и обе замерли, осознавая всю грандиозность момента, словно луна врезалась не просто в Землю, а прямо в их гостиную. Но мгновенное колебание длилось недолго. Их губы столкнулись, языки и губы закружились в безумном танце, а двадцатиоднолетняя девушка вцепилась в голову матери и застонала ей в рот.

Обо мне на время забыли. Это меня вполне устраивало. Зрелище было совсем другим, и я подрагивал членом в такт ему, твердыми, быстрыми ударами. Предварительная сперма блестела на кончике, и в сочетании с грязным минетом этой пары у меня было достаточно смазки, пока они целовались, обхватывая друг друга руками, их лица, плечи, сиськи.

"О, о, блядь, мы делаем это, мы действительно делаем это", - сказала мать.

"Мм хм, о Боже, я думала о тебе столько ночей...".

"То же самое, детка, я знаю, что это неправильно, я знаю..."

"Мне все равно, я люблю тебя, я люблю тебя, мама..."

Кровь шумела в моих ушах, и мне нужно было внимание, сейчас же. Я встал, и они повернулись ко мне, на лице молодой женщины появилось выражение чего-то похожего на вину. Я поднес свой член к ее губам и вошел в нее, глубоко толкаясь и хватаясь за ее затылок.

"УРК!" - вскрикнула она, и так же быстро я вырвался, используя ее мать так же, как ее дочь целовала ее щеку, ее шею. Я быстро чередовал их, проникая глубоко, но никогда не задерживаясь надолго. Мать могла принять каждый дюйм меня, дочь - всего несколько дюймов, но теперь я знал, чего хочу на Рождество, и это были они. Я хотел, чтобы эта распутная молодая женщина прыгала на моем члене в моем офисе, когда мне нужно было

отвлечься от бюджетов. Я хотел, чтобы ее изголодавшаяся по членам мать стояла на коленях, когда я входил в кондоминиум, готовая заглотить меня вот так. В эти двери входил и выходил целый список женщин с именами, которым вы не поверите, и, конечно, да, я чувствовал что-то к некоторым из них, но не так, не так, как к этим двум, не с такой неоспоримой дикой потребностью обладать ими, владеть ими и подчинять их всем своим прихотям и фантазиям.

Когда они не сосали меня, они встретились с неистовыми поцелуями, от обоих исходили крики потребности. Мой собственный приближался, и я сказал: "Девочки". Они подняли на меня глаза, их губы разошлись в почти идеальном зеркальном отражении друг друга. Я несколько раз подтолкнул свой член, и мать усмехнулась, широко открыв рот. Она посмотрела на свою дочь, и младшая женщина сделала то же самое, после чего они обе уставились на меня. Я кончил на их прекрасные лица, их глаза закрылись, когда я выстрелил в них кремом.

Мать не могла сдерживаться. Она повернула голову и стала сосать и слизывать меня прямо с лица своей дочери. В то же время она опустила дочь на толстый ковер, положив руку на ее киску. Они замерли на мгновение, глядя друг на друга, затем молодая женщина застонала: "Сделай это, пожалуйста... пожалуйста...".

Ее мать сделала это. Помня о своих длинных ногтях, она не пыталась проникнуть в свою дочь, но терла ее киску быстрыми, практичными движениями руки. Ее большой палец легко нашел клитор молодой женщины, и та вскочила.

"Ооооооооооооо!" - задыхалась она. "Мууууум!"

"Ах-ах-ах, как ты меня сегодня называешь?" - поддразнила ее мать.

"Мууууммми!"

"Черт возьми, это самая сексуальная вещь", - сказал я, идя за своим стаканом виски, но не отрывая взгляда от этой пары. Я должен был подумать о том, чтобы записать это, но я думаю, что в тот первый раз для них это было слишком далеко. Тем не менее, еще до окончания уикенда я пообещал себе фотографии, видео и достаточно воспоминаний, чтобы никогда не уставать от них.

Они не обращали на меня внимания, стоя лицом к лицу и не столько целуя друг друга, сколько набрасываясь на лица друг друга. Каждый дюйм тела этой двадцатиоднолетней девушки отвечал на прикосновения ее матери, от того, как ее ногти скребли по маминой спине и шее, до того, как ее пальцы сгибались, а ноги поднимались и опускались в диком гипнотическом ритме. Она не могла решить, как ей двигаться - вверх, вниз, влево или вправо, и пыталась делать все это одновременно.

"Оххххх, ммммм хммм, ммммм хммм, я... Я..."

Именно ее закатившиеся назад глаза запомнились мне больше всего в ту ночь. Я видел, как

женщины делали это раньше, многие из них, но обычно это была театральная игра для моей выгоды. Эта молодая женщина не лукавила, и это была честная реакция, которая будет вторгаться в мои сны еще долгие годы. Черт, она была прекрасна в этот момент, невинность и желание, спутанные в один восхитительно долгий оргазм.

А потом она спускалась, смех вырвался из нее стаккато. Она обхватила мать и крепко поцеловала ее. Быстрым движением она подмяла мать под себя, прижав ее ногами по обе стороны туловища. Настала очередь старшей женщины смеяться, и она попыталась сесть, чтобы погнаться за грудью дочери, но младшая из них толкнула ее обратно и опустилась ниже, подавшись назад. Глаза ее матери расширились, и она прошептала: "О. О, милая...".

Ее дочь сдвинулась, поднимая колени, когда ее мать расширила свои, и вскоре молодая женщина была согнута, прижавшись губами к бугру матери, ее задница была высоко поднята в воздух. Я выпил последний стакан виски и опустился за ее спиной. Она бросила на меня быстрый взгляд, губы разошлись, а затем она стала пировать на своей матери, тихий стон вырвался из нее, прежде чем она попробовала киску, из которой когда-то кончила.

Я поставил свой стакан и опустился позади молодой женщины, нуждаясь в том, чтобы вернуться в игру теперь, когда у меня было свое шоу. Я раздвинул ее ноги, и она оглянулась через плечо, когда я провел большими пальцами по ее щекам и раздвинул их, чтобы запустить язык в эту сладкую молодую пизду. И она была сладкой под тонким ароматом пота, лишь мягкий намек на медовое мыло. Мой нос прижался к ее отбеленному бутону, и она застонала, когда я лизнул ее. На минуту я стал диким, необузданным, мой опыт вылетел в окно.

Контролируй себя, пытался я сказать себе, слыша, как мать стонет от лизания дочери.

Мой член ожил, словно я снова стал подростком, но я хотел, чтобы эта юная шлюшка сначала кончила от моего языка, прежде чем я ее трахну.

Заставляя себя не спешить, я провел большими пальцами по губам ее киски, вылизывая ее нежную, трепещущую сердцевину. Она хныкала и напрягалась в ответ. "Просто... как... это".

Двадцать один. Такая чертовски молодая и красивая, и на пороге чего-то безумного и прекрасного с ее матерью. Я ревновал, в своем роде. Я хотел этих двоих для себя. Я хотел, чтобы они...

...чтобы они остались.

Парни вроде меня этого не хотят. Такие парни, как я, берут то, что хотят, похлопывают их по заднице, вызывают водителя и отправляют их в путь на "Бентли" или "Ягуаре". Такие парни, как я, по натуре своей - люди, у которых секс на одну ночь. У некоторых людей не бывает счастливых концов. Мы просто получаем конец, и это нормально. Мы учимся жить с этим, получать удовольствия там, где это возможно, а у меня их было предостаточно.

Не так ли?

Но я лизал эту молодую женщину и хотел ее так сильно, как никогда не хотел ничего на Рождество, и, возможно, мои глаза тоже загорелись на елке, как у ее матери.

Пожалуйста, подумал я, хотя бы на мгновение. Что-то настоящее, как это. Что-то большее.

"О, детка, ты заставишь меня кончить, заставишь маму кончить".

Нет. Я не хотела чего-то подобного. Я хотела этого. Они.

Дочь была в таком же диком состоянии, как и я, ее язык издавал смачные звуки о киску матери. Я схватил ее за задницу так сильно, что остались синяки, зарываясь языком в нее, пока она делала то же самое с матерью.

"Детка, ах, ах, ах, мммм, блядь!" - кричала ее мать.

"О Боже, я тоже сейчас кончу", - задыхалась молодая женщина.

Ее мать протянула руки к волосам дочери, сжимая их, пока она боролась с последствиями своего оргазма. Ее слова вырывались из ее сознания: "Да, кончи для него, кончи для него, детка, а потом он трахнет нас... Я люблю тебя, я так люблю тебя...".

"Я тоже тебя люблю, я люблю тебя, я... I..." Молодая женщина замерла и подалась назад, помогая мне вогнать мой язык так глубоко в нее, как только она могла его достать. "Оххххх!"

Ее киска дрожала, такая мокрая, что оставляла следы на бедрах. Я сделал несколько последних кругов и приподнялся. Она повернула голову, чтобы посмотреть на меня, и я откинул ее голову еще дальше назад, чтобы поцеловать ее, направляя свой член в ее все еще подрагивающую киску. Ее глаза расширились, и она вскрикнула от моих губ, когда я скользнул в нее, заполняя ее девственно тугую пизду дюйм за дюймом.

И она принимала его. Святая блядь, она приняла его весь.

"О, БЛЯДЬ!" - вскрикнула она.

Мое безумие вернулось ко мне. Я отпустил ее волосы и, все еще находясь глубоко внутри нее, обхватил ее за талию и приподнял. Ее мать пыталась сесть, но я прорычал: "Оставайся там", и придвинул ее дочь вперед, чтобы она легла на нее сверху, грудь к груди. Они неистово целовались, пока я отстранялся и снова входил в юную киску.

Но я не собирался просто трахать ее. Так как дочь лежала на ее талии, у меня был хороший угол, чтобы взять и ее мать. Глаза сорокалетней женщины стали огромными, когда я вогнал свой член в ее влажные глубины, а ее пальцы вцепились в плечи дочери.

Я чередовал их обеих, быстрыми, жесткими ударами толкая их взад и вперед. Сиськи к сиськам, лицо к лицу, они прижимались друг к другу, целовались, пыхтели, терпели, пока я только ускорялся, одной рукой держа молодую женщину за задницу, другой - под ней, на бедре ее матери.

http://tl.rulate.ru/book/2563/62273